

УДК 903'15

В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин*Кемеровский государственный университет,**ул. Красная 6, Кемерово, 650043, Россия**E-mail: bobrov@kemsu.ru**vasutin@histori.kemsu.ru*

НАЧАЛО ХУННСКОЙ ЭПОХИ НА САЯНО-АЛТАЕ

Введение

Одним из значительных событий в археологии Южной Сибири за последние два десятилетия явилось открытие и исследование памятников так называемого гунно-сарматского времени на территории Горного Алтая. В процессе полевых работ раскопано более десяти крупных курганных могильников и ритуальных сооружений, материалы которых свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на данной территории. Исследования этих памятников, а также археологических объектов на территории Тывы позволяют сделать аналитический обзор современного состояния и изученности проблемы раннего этапа хуннской эпохи Саяно-Алтая – одной из ярких страниц древней истории.

А.Д. Грач справедливо полагал, что понятие “гунно-сарматское время” не отражает хронологической и этнокультурной специфики памятников этого периода в Южной Сибири и Центральной Азии, где выделены археологические культуры последних веков I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э., отличающиеся друг от друга и абсолютно несопоставимые с гунно-сарматскими [Грач, 1970, с. 101 – 102]. “Сокрушительные походы хунну и крушение культур скифского облика” – такое восприятие начала хуннской эпохи существует в отечественной археологии. От него, видимо, следует отказаться. Оно представляет историографический интерес как попытка недостаточно корректного наложения сведений письменных источников на археологические материалы с территорий, удаленных от центров письменности. Более того, археологические источники демонстрируют принципиально иную картину.

В Саяно-Алтайском регионе, как и на всем пространстве Евразии, с рубежа III – II вв. до н.э. происходили “...крупные, хотя до сих пор и не совсем ясные еще, изменения в кочевом мире”. С этого рубежа начинается совершенно другая эпоха, с новым историческим содержанием [Черников, 1960, с. 20 – 21; 1965, с. 73 – 74; 1975, с. 132, 135]. Хронологические границы завершающего этапа развития культур скифского облика определяются временным интервалом с рубежа IV – III вв. до н.э. до середины II в. до н.э., что представляется наиболее обоснованным и учитывающим культурно-хронологическую специфику памятников конца I тыс. до н.э. [Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 50 – 52; Могильников, 1988, с. 78, 83; Суразаков, 1989, с. 104 – 114]. Последняя дата условна, но именно в этих хронологических пределах фиксируется не только бытование позднескифских комплексов, но и в неявном виде зарождение и формирование в их среде новых культурных стереотипов, характерных для хуннского времени [Трифонов, 1976, с. 118 – 119; Савинов, 1987, с. 9 – 10, 15 – 16]. Наиболее точно данная ситуация прокомментирована А.Д. Грачом, указавшим на неизбежность скифских реминисценций в гунно-сарматской эпохе, которая все же характеризуется совершенно специфическими комплексами материальной культуры [1980, с. 5 – 6]. В любом случае завершающий этап развития скифской культуры отчасти уже связан с другим временем и включен в иную систему культурных координат. В связи с этим необходимо напомнить о продолжающейся до настоящего времени дискуссии относительно содержания и хронологии “эпохи ранних кочевников”, предложенных М.П. Грязновым [1939, с. 399 – 401]. Данное понятие, выделенное им по социально-экономическому критерию, общепринято ассоциировать

преимущественно со скифским временем, хотя существует мнение, что хронологические рамки эпохи ранних кочевников шире (с VII по II в. до н.э. включительно) [Новгородова, 1984, с. 236]. Если согласиться с таким пониманием эпохи ранних кочевников, то надо признать ее верхнюю хронологическую границу, включая ранний этап хуннского времени. Разделяя точку зрения Д.Г. Савинова, считаем, что предпочтительней употреблять понятие “эпоха ранних кочевников” применительно только к скифскому времени. Как подчеркивает Д.Г. Савинов, при определении верхней хронологической границы “эпохи ранних кочевников” необходимо учитывать догосударственный уровень развития социальной организации таких обществ, а поэтому рассматриваемое понятие не следует распространять на последующее гунно-сарматское время. Таким образом, верхняя граница “эпохи ранних кочевников” оказывается подвижной и обусловленной локальной спецификой развития культуры новой эпохи [Савинов, 1995, с. 80]. Хронологическое дробление археологических комплексов хуннской эпохи позволяет более чутко улавливать происходящие события и их отголоски, когда распространение новых культурных традиций может занимать несколько больший промежуток времени, чем это устанавливалось для смежных этапов или эпох. Своеобразие динамики культурно-исторического процесса в Южной Сибири отразилось в выделении периодов сосуществования позднескифских и хуннских культурных пластов [Васютин, 1991, с. 140 – 141; Савинов, 1991, с. 94].

Однако изучение хуннской эпохи в диахронном аспекте является сложной процедурой, так как до настоящего времени не разработаны внутренняя хронология этого периода и критерии для выделения памятников рубежа эр и первых веков нового тысячелетия. Немаловажным является и ее историческое содержание. Если следовать логике сторонников эволюционного развития и придерживаться их точки зрения на преимущественно гомогенный характер археологических культур в позднескифское время, а значит, и на преемственность всех этапов их развития, то надо признать, что в Саяно-Алтае хуннское время частично перекрывает эпоху ранних кочевников, т.е. поздние этапы саглынской и пазырыкской культур. Такая ситуация, возникшая к концу I тыс. до н.э., не позволяет оценить масштабы появившихся различий даже на уровне анализа археологических источников. Выявление культурно-дифференцирующих признаков кочевой культуры на рубеже эпох дает возможность определить различия между комплексами позднескифского и раннего этапа хуннского времени, что открывает перспективу объективного анализа динамики культуры в целом и ее специфики в отдельных районах Саяно-Алтая.

Это не может не отразиться и на понимании основных тенденций исторического развития в регионе.

Памятники, хронология и концепции

Тыва представляет собой своеобразный полигон, на котором раньше, чем в других районах Саяно-Алтая, были исследованы памятники хуннского времени. На тывинских материалах были обоснованы идеи и обозначены главные проблемы этого периода. Могильник Аймырлыг – один из памятников, имеющих принципиальное научное значение. Большое количество археологических источников и хронологическая последовательность погребальных сооружений этого могильника позволили ряду исследователей выдвинуть концепцию переходного периода от скифской к хуннской эпохе. С одной стороны, данная концепция включает серию наблюдений относительно расширения хронологических рамок культуры скифского времени до II в. до н.э. включительно. С другой стороны, концептуальную основу составляет положение о синкретичности археологических комплексов постскифского периода с выраженными чертами культуры хунну. Эти синкретичные памятники, занимая промежуточное положение между скифскими и гунно-сарматскими, свидетельствуют о тесном взаимодействии традиций местного и пришлого населения в последние два века I тыс. до н.э. Такое взаимодействие и формирует новую культуру, относящуюся уже ко времени не ранее рубежа эр и первых веков нового тысячелетия. Этот процесс был достаточно длительным и укладывается в границы хуннского времени, что предполагает наличие определенных последовательных этапов его развития [Трифонов, 1976, с. 119; Мандельштам, 1983, с. 33; Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 196 – 197]. Согласно иной точке зрения, в конце I тыс. до н.э. в Тыве складывается новая, улуг-хемская археологическая культура, представленная погребениями в каменных ящиках, иногда впущенными в наземную часть погребальных сооружений или в заполнения могил скифского времени [Грач, 1980, с. 5 – 6]. В пользу данной точки зрения в какой-то степени свидетельствует и инвентарь из впускных погребений могильников Урбюн III и Аргалыкты I, III (костяные накладки на лук хуннского типа, наконечники стрел с расщепленным насадом и бронзовые пряжки с отогнутым язычком, явно хуннского облика). Все это указывает на то, что улуг-хемские погребальные сооружения более поздние относительно захоронений в камерах-срубах саглынской культуры. Первое неразграбленное погребение в каменном ящике, впущенное в заполнение могилы с захоронением в камере-срубе саглынского типа, было открыто в 1965 г. на могильнике Урбюн III Д.Г. Савиновым. По сопроводительному инвентарю

(керамика, костяные накладки на лук хуннского типа, наконечники стрел с расщепленным насадом и бронзовая пластина со сценой борьбы тигра с ушастым грифоном) это погребение имеет типологические параллели в материалах Дырестуйского могильника и в ордосских бронзах [Савинов, 1987, с. 38].

Ключевым объектом для понимания этнокультурных процессов второй половины последнего тысячелетия до нашей эры является группа XXXI могильника Аймырлыг. Ее планиграфия достаточно выразительна и информативна с точки зрения времени функционирования различных типов погребальных сооружений. Несмотря на то что погребения в каменных ящиках, грунтовых ямах с каменным покрытием и склепах располагаются в курганных цепочках саглынской культуры, они все же относятся к более позднему времени. Это определяется по стратиграфическим данным (иногда они впущены в саглыньские могилы) и инвентарю, о чем уже было сказано. Осторожный в оценках А.М. Мандельштам, признавая сопоставимость по инвентарю наиболее поздних погребальных сооружений Аймырлыга с погребениями хунну или близкородственных им племен [Мандельштам, 1983, с. 26 – 27, 33], все же отвергал саму возможность выделения самостоятельной улуг-хемской культуры, не находя принципиальных различий между ее памятниками и собственно хуннскими погребениями [Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 197 – 198]. Необходимо отметить, что могильник Улуг-Хем также не отличается единообразием. Его культурную целостность “нарушают” погребения в склепах, которые лишь отчасти, по некоторым конструктивным деталям (кольцеобразные наземные сооружения, облицовка плитами стенок ям или их глиняная обмазка, выкладка дна могил плитами) могут быть сопоставлены с воин-улинскими погребениями хунну [Грач, 1970, с. 99 – 102]. Эти различия не нашли исчерпывающего объяснения в концепции А.Д. Грача о новой постскифской культуре в Тыве. Вопрос о содержании и динамике культурно-исторических процессов в данном районе Саяно-Алтая остается открытым. Решение его связано с определением хронологии типов погребальных сооружений, включая хуннские Бай-Дага IV и Аймырлыга, и взаимоотношений между носителями различных культурных традиций.

В критике выделения улуг-хемской культуры содержится ряд позитивных выводов. По мнению сторонников переходного периода, разнообразие в обряде погребения, типах погребальных сооружений и инвентаре отражает еще не сформировавшуюся культуру. Этот комплекс укладывается в понятие переходного периода. Формирующаяся культура в более определенном виде представлена материалами Кокэля. Основой такой культуры оставался скифский компонент. Главное в рассматриваемой концепции о куль-

турогенезе региона – это положение об отсутствии одноактной смены культуры в связи с политическими событиями рубежа III – II вв. до н.э. в Центральной Азии. Также представляется верным замечание о сложности датирования постскифских комплексов, так как в них нет импортных вещей. Поэтому дата для завершающего этапа развития скифской культуры II в. до н.э. является умозрительной. А.Д. Грач также не настаивал на резкой смене культур, предполагая существование позднескифского компонента при переходе к улуг-хемской этнокультурной доминанте [Там же, с. 102]. Основная причина непризнания переходного периода заключалась в том, что не был учтен хронологический разрыв между Улуг-Хемом и Кокэлем. Но известны факты, когда улуг-хемские погребения были впущены в саглыньские (скифские) могилы, а кокэльские – в более поздние хуннские (группа XXXI могильника Аймырлыг).

Выявление в Тыве памятников, типологически сходных с хуннскими, имеет принципиальное значение для всего Саяно-Алтая [Миняев, 1981, с. 81 – 82; 1985, с. 75 – 78, табл. 1]. Предложенная Д.Г. Савиновым корректировка хронологии тывинских памятников хунну, в результате которой они датируются в пределах конца II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. [Савинов, 1991, с. 94, табл. 1], позволяет по-новому реконструировать ход этнокультурных процессов в хуннское время и важна для понимания ситуации в целом. С одной стороны, политические события рубежа III – II вв. до н.э. в Центральной Азии не повлекли за собой одноактного исчезновения скифской культуры Тывы. С другой стороны, они предопределили появление новых групп населения, для которых характерен обряд погребения в каменных ящиках, что ограничивает завершающий этап скифской культуры временем не позднее конца III в. до н.э. Только тогда и началось кратковременное сосуществование разного по происхождению населения (саглыньцев, оставивших погребения в срубках, и улуг-хемцев, совершавших захоронения в каменных ящиках). Если признать, что памятники улуг-хемского типа представляют самостоятельную культуру, то тезис о ведущей роли саглыньцев в формировании культуры гунно-сарматского времени можно поставить под сомнение.

В Горном Алтае историко-археологическая ситуация более определенная, чему во многом способствовали целенаправленные и широкомасштабные исследования могильников гунно-сарматского времени в последние два десятилетия. Однако распространение здесь хуннской культурной традиции не следует трактовать однозначно. Оно могло определяться разнообразными факторами. В частности, пребыванием какой-то группы хунну на Алтае, миграцией других племен, испытывавших влияние хуннских культурных

традиций, вхождением Алтая в сферу политического влияния хунну или эпохальными изменениями в культуре, вызванными формированием на севере Центральной Азии первого централизованного государства кочевников [Савинов, 1994, с. 144].

В этом районе Саяно-Алтая памятников, сопоставимых с тывинскими (улу-хемская культура, хуннские и кокзельские погребения), не было выявлено. Поэтому вопросы формирования культуры хуннского времени рассматривались в аспекте изучения исторических судеб пазырыкской культуры и ее носителей [Худяков, 1998, с. 97]. Корректировка верхней хронологической границы шибинского этапа пазырыкской культуры в сторону ее удревнения, до рубежа IV – III вв. до н.э., малочисленность материалов последующего времени значительно осложняли выделение комплексов хуннской эпохи в Горном Алтае. Но ограниченность источников не исключала возможность решения этой проблемы, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи. В данном случае речь могла идти о принципиально иной культурно-исторической модели развития на рубеже эпох. Для этого времени наиболее яркими являются погребальные комплексы могильников Карасу I, II в Центральном Алтае. По особенностям внутримогильных сооружений (деревянная конструкция типа обкладки или гроба внутри каменного ящика) они близки хуннским погребениям Тывы, а по инвентарю (ожерелья из нефритовых квадратных бусин и костяные накладки на лук, в том числе с выгравированным изображением марала) – центральноазиатским памятникам хунну. В то же время по способу и характеру захоронения (в скорченном положении на левом боку, северо-западная и восточная ориентировка) Карасу I, II связаны с местной пазырыкской традицией [Могильников, 1985, с. 230]. Этот новый культурный пласт существенно отличается от комплексов шибинского этапа в Центральном Алтае, для которого характерны погребения в срубах, сопроводительные захоронения лошадей и инвентарь (бронзовые медалевидные зеркала, миниатюрные чеканы, костяной гребень, железные черешковые наконечники и поясные обоймы) [Киреев, Кочеев, 1988, с. 239, рис. 1].

К настоящему времени вопрос о поздней дате для рядовых курганов пазырыкской культуры в пределах хуннской эпохи окончательно не снят. В процессе полевых исследований все больше накапливается данных о том, что начало хуннской эпохи в Горном Алтае совпадает с существованием позднескифской культуры. Примером могут служить фрагменты керамических сосудов хуннского облика в насыпях скифских курганов (Узунтал, Уландрык) и гончарная мастерская на р. Юстыд на Юго-Восточном Алтае, датированная по радиоуглероду временем, выходящим за рамки хуннской эпохи [Кубарев, Журавлева, 1986,

с. 101 – 113, 118]. Все же более корректно определять начало хуннского времени на территории Горного Алтая по материалам позднескифских погребений с явными следами влияния хуннской культуры. Особенно ценные данные получены из могильников Центрального Алтая. Кроме уже указанных памятников, наиболее репрезентативным является могильник Усть-Эдиган. Материалы этого памятника позволяют достаточно определенно наметить один из основных путей генезиса и формирования культурного облика региона на рубеже эр и в первой половине I тыс. н.э. В разработке культурно-генетической схемы немаловажное значение имеют планиграфические особенности могильника. Ю.С. Худяков, исследовавший этот памятник, отмечает, что данные планиграфии и анализ инвентаря двух скифских курганов позволяют значительно конкретизировать процесс формирования новой булан-кобинской культуры и более обоснованно говорить о ее генетической связи с позднескифскими памятниками. В целом отличия усть-эдиганского комплекса от позднескифских погребений весьма существенны и определяются новыми чертами культуры, сформировавшейся под значительным хуннским и сарматским влиянием, о чем свидетельствуют вооружение и престижные элементы экипировки всадника. Причины указанных инноваций и трансформаций в булан-кобинской культуре генетически связаны как с предшествующим временем, так и с миграциями из Тывы, Юго-Восточного Алтая и Восточного Казахстана в Центральный Алтай [Худяков, 1998, с. 98, 100 – 102].

В рассматриваемой концепции Ю.С. Худякова о культурогенезе научный интерес представляет аргументированное положение о времени формирования усть-эдиганского комплекса с выраженными чертами хуннской культуры. По мнению автора, в Горном Алтае к собственно хуннскому времени относятся позднескифские комплексы, синхронные улу-хемской культуре и хуннским погребениям Тывы, а также ряд находок, сопоставимых с элементами культуры хунну. Таким образом, изменения в культуре, увязываемые с хуннской экспансией, не коррелируются с характером археологических источников этого времени, а потому предположение о размещении на Саяно-Алтае опорных пунктов хунну (где и каких неизвестно) и завоевании данного региона войском из покоренных племен остается слишком гипотетическим. Более объективной представляется версия о трансформации скифской культуры Горного Алтая, которая отражает специфику культурогенеза на этой территории. А формирование булан-кобинской культуры приходится не на период могущества и военной экспансии хунну, а на время их военно-политического ослабления, т.е. на I – II вв. н.э. [Там же, с. 110].

Соглашаясь в целом с таким подходом в разработке схемы культурогенеза, отметим, что данная схема соответствует только булан-кобинской культуре Центрального, Юго-Восточного и Западного Алтая. Причем если предположение о генетической связи пазырыкской и булан-кобинской культур, основанное на антропологических данных и погребальном обряде, может быть принято и продуктивно для продолжения исследований в этом направлении, то их хронологическое соотношение остается проблематичным, что в основном связано с хронологией шибинского этапа. Собственно могильник Шибэ датирован IV – III вв. до н.э., а материалы последующего уландрыкского этапа – III – II вв. до н.э. К этому же времени на территории Горного Алтая относится еще одна группа погребений (с черепами животных в восточной части могил), сочетающих отдельные черты пазырыкской культуры и традиции погребальной обрядности хуннского времени. Эти погребальные комплексы Центрального (отдельные погребения в могильниках Усть-Карасу I, II) и Юго-Восточного (Кер-Кечу, Кызыл-Таш, Елангаш) Алтая фиксируют первые признаки начавшегося воздействия культуры населения Внутренней Азии уже с рубежа IV – III вв. до н.э. [Соёнов, Эбель, 1998, с. 91 – 92].

Видимо, немного более поздними являются погребальные комплексы с плоскогорья Укок, содержащие ряд выразительных типологических признаков в конструкции наземных и внутримогильных сооружений. Эти памятники датируются “раннехуннским” временем, но их хронологическая и этнокультурная позиция еще недостаточно определена [Молодин, Черемисин, 1996, с. 47 – 49; Молодин, 1997б, с. 231 – 232]. Если такая ранняя дата для укокских могильников Кальджин-6 и Ак-Кол-1, с культурой явно нескифского облика, подтвердится в дальнейшем, то они займут, наряду с синхронными постскифскими памятниками улуг-хемской культуры Тывы, доминирующую позицию на Саяно-Алтае, тем самым отражая этнокультурную ситуацию в регионе. Будет значительно усилено положение о наличии периода сосуществования скифских и хуннских культурных традиций (постскифского).

Вместе с тем, поскольку предложенная дата не бесспорна (она основана на аналогии единственной находки – подвески из золотой проволоки и сердолика – с материалами не из погребального комплекса, а из слоя стоянки Маохэшань в китайской провинции Гири [Молодин, Черемисин, 1996, с. 47]), возможен и иной вариант трактовки хронологической принадлежности укокских погребальных памятников. В них можно проследить типологическое соответствие с погребальной обрядностью, характерной для могильников Бай-Даг II и Аймырлыг в Тыве, наиболее близких хуннским комплексам Забайкалья и Монголии.

Тогда возможно выделение в Горном Алтае вполне сформировавшегося культурного комплекса новой хуннской эпохи, существовавшего раньше, чем булан-кобинская культура. Это может объяснить наличие комплекса центральноазиатского происхождения в позднескифской среде (хуннская керамика в заполнении пазырыкских могил). С укокскими памятниками, видимо, связано дальнейшее развитие культуры нового населения (гончарные печи для обжига сосудов хуннского облика, ритуальные памятники Бертека, петроглифы на Укоке, антропологические данные) [Молодин, 1997а, с. 44; Савинов, 1994, с. 145; Чикишева, Поздняков, 1997, с. 155, 157]. Сосредоточение такого комплекса признаков новой культуры на Южном Алтае во многом объяснимо его географическим положением. Долины плато Укок являлись удобным маршрутом для транзита из Северо-Западной Монголии и Китая в степи Восточного Казахстана, бассейна Иртыша и в Центральный Алтай [Молодин, Черемисин, 1996, с. 49]. В Центральном и Юго-Западном Алтае (в бассейне р. Катунь) близкая ситуация нашла отражение в наличии ранних памятников булан-кобинской культуры, относящихся к концу I тыс. до н.э.

Проблемы и перспективы их решения

Одной из актуальных проблем является хронология собственно хуннских памятников Центральной Азии, решение которой обеспечило бы изучение многих культур, возникших под влиянием хунну или испытавших это влияние. Данная проблема стала предметом специального заседания отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК в 1997 г. [Миняев, 1998, с. 391 – 393]. Суть ее сводится к тому, что хуннский культурный комплекс, будучи индикатором для определения хронологической позиции культуры или даже отдельного памятника в степном поясе Азиатского региона, в сложившемся виде неизвестен в исходном районе кочевий хунну. Памятники с таким комплексом есть только в Забайкалье, Северной и отчасти Южной Монголии, но все они датируются временем почти на 100 лет позднее начального этапа завоеваний хунну в период правления шаньюя Модэ (209 – 174 гг. до н.э.). Основанием для датировки, противоречащей китайским письменным источникам, являются монеты “у-шу”, ханьские зеркала и подписные изделия в материалах археологических памятников. Даты установлены по году изготовления на предмете либо, менее точно, по стилю написания иероглифов, который заметно менялся на протяжении эпох Цинь и Хань. Даже при широком диапазоне бытования многих изделий, включая зеркала и монеты, главное, по мнению С.С. Миняева, в их фиксированной дате изготовления, что позволяет надежно определять *terminus post quem* для большинства памятников, в том

числе и забайкальских (Иволгинский, Дырестуй, Дурены, Ноин-Ула). Все они не могут быть датированы ранее I в. до н.э. Отсюда следует необходимость корректировки общепринятых представлений, основанных на письменных источниках, согласно которым хуннские погребения относятся к более раннему времени.

Хронологическая позиция памятников с элементами культуры хунну на территории Саяно-Алтая также может быть приближена к рубежу эр, не говоря уже о вполне оправданной датировке ряда памятников (Усть-Эдиган, частично Верх-Уймон, Булан-Кобы IV и др.) первыми двумя веками нового тысячелетия. Не менее важна и сама гипотеза, объясняющая выявленное противоречие между письменными и археологическими источниками. Действительно, начавшиеся завоевания хунну привели к перемещению больших масс населения и активному культурному взаимодействию на востоке степного пояса. Это соответствует начальному этапу (конец III – первая половина II в. до н.э.) проникновения и взаимовлияния различных культурных традиций. Именно тогда началась существенная трансформация антропологического и культурного облика населения азиатских степей. Этот процесс занял несколько десятилетий и завершился не ранее I в. до н.э. формированием типичного комплекса, каким являлся культурный комплекс хунну Забайкалья. Только тогда его основные элементы получили широкое распространение на территории, контролируемой хунну. Исходный же район кочевий был покинут ими в конце II в. до н.э. после длительной войны с ханьской империей, что и зафиксировано письменными источниками [Миняев, 1998, с. 291 – 292].

Такая корректировка, бесспорно, должна повлиять на относительную хронологию и локальную периодизацию всех предтюркских памятников Саяно-Алтая. Становится очевидным, что между установлением господства хунну и распространением различных элементов хуннского культурного комплекса прошел определенный промежуток времени (см. *таблицу*).

Говоря о генезисе культуры и ее динамике в горных районах Алтая конца I тыс. до н.э., можно подчеркнуть, что до сих пор остается неясной та этническая среда, с которой связано формирование традиции погребений с конем [Савинов, 1987, с. 11]. По-прежнему проблематично решение вопроса о преемственной связи кара-кобинских и булан-кобинских памятников с учетом хронологического разрыва между ними [Глоба, 1983, с. 120 – 121; Мамадаков, 1985, с. 188]. Вместе с тем концепция о преемственном развитии культуры начиная с хуннского времени подводит к пониманию специфики культурогенеза в этот период. В конце I тыс. до н.э. динамика культуры была такова, что она обеспечивала сохранение в Горном

Алтае разных по происхождению культурных элементов или близких типов вещей на смежных хронологических этапах (позднескифском, хуннском и позднехуннском), и это может быть квалифицировано как культурная преемственность. Сама же идея передачи, начиная с хуннского времени, субстратного культурного, а возможно и антропологического, фонда от этапа к этапу заслуживает внимания как гипотеза.

Изучение каждого из периодов в археологии Горного Алтая от позднескифского до древнетюркского времени включительно в рамках историко-культурного направления представляется весьма перспективным. Вместе с тем наметилась негативная тенденция рассматривать все периоды, предшествующие древнетюркской эпохе, только как промежуточные звенья. При таком подходе как бы заранее определяется культурно-генетический статус предтюркских памятников и предпочтение отдается местному культурному компоненту. Также не может быть безоговорочно принято мнение о прямых контактах хунну и поздних пазырыкцев на основании лишь находок фрагментов сосудов хуннского облика в насыпях скифских курганов Уландрыка и Узунтала. Это нельзя интерпретировать буквально, так как известны многочисленные факты использования более ранних курганов в различных целях, что наблюдается и на Усть-Эдигане, где в кургане № 60 зафиксированы в насыпи и на перекрытии могилы кости животных, человека и развал баночного сосуда с орнаментацией, идентичной булан-кобинской [Худяков, 1998, с. 98, 100 – 102]. Для Горного Алтая радикальная смена археологических культур на рубеже новой эры пока не находит объяснения с точки зрения их внутреннего развития. Отсутствие в хуннское время сформировавшейся единой культуры и наличие разнообразных по составу археологических комплексов (памятники шибинского этапа, погребения из могильников Карасу I, II, Усть-Эдиган, Узунтал и Уландрык, часть материалов Белого Боба II и Булан-Кобы IV) свидетельствуют об этом. Историко-культурные процессы в данном регионе были связаны с притоком иноэтнических групп в эпоху Великого переселения народов [Могильников, 1997, с. 220].

На территории Тывы признаки появления новых культурных традиций обнаруживаются в явном виде уже на заключительном этапе скифской эпохи [Савинов, 1987, с. 33 – 34], в пределах III в. до н.э. В последующий период новые традиции становятся преобладающими, что проявляется в широком распространении погребений с каменными конструкциями и предметами сопроводительного инвентаря хуннского облика. Памятники этого времени, не отождествимые с собственно хуннскими (улут-хемская культура), образуют уже прочный культурный пласт центрально-азиатского происхождения, свидетельствующий о его новой этнической принадлежности.

Синхронизация памятников Саяно-Алтая хуннского времени

Территория		III – II вв. до н.э. – I в. до н.э.			I в. н.э.		II в. н.э.	
Горный Алтай	Юго-Западный Алтай и Восточный Казахстан				Верх-Уймон			
					Чендек			
	Юго-Восточный Алтай				Юстыд			
	Южный Алтай, плато Укок	Кальджин-6						
		Ак-Кол-1						
	Центральный Алтай	Усть-Карасу I, II			Булан-Кобы IV			
					Усть-Эдиган			
Тыва			Бай-Даг II					
			Улуг-Хем					
Абсолютные даты		201 г. до н.э.	120 г. до н.э.	55 г. до н.э.		93 г. н.э.		120 г. н.э.

..... изменение хронологических границ памятников

----- границы абсолютных дат

Заключение

Таким образом, события рубежа III – II вв. до н.э. и последующих двух веков носили значительно более сложный характер, нежели это представлялось ранее, когда они прямо объяснялись экспансией хунну, буквально сокрушившей скифский мир. Принципиально новый взгляд на события того времени сформировался в ходе изучения тывинских памятников типа Аймырлыга и Бай-Дага II, а также выявления отдельных комплексов, содержащих инновации центральноазиатского происхождения. В Саяно-Алтайском регионе повсеместно фиксируется приток нового населения в собственно хуннское время,

что свидетельствует о начале миграции из восточной культурно-исторической провинции, получившей в дальнейшем наименование Великого переселения народов.

Список литературы

Васютин А.С. О хронологической границе позднескифского и хуннского времени на Горном Алтае // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 140 – 141.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 – 1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 116 – 126.

- Грач А.Д.** Новые данные о древней истории Тувы // Учен. зап. ТННННННН. – 1970. – Вып. 14. – С. 93 – 106.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 255 с.
- Грязнов М.П.** Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – Ч. 2. – С. 399 – 413.
- Киреев С.Н., Кочеев В.А.** Работы горноалтайского краеведческого музея // АО 1986 г. – М.: Наука, 1988. – С. 238 – 239.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д.** Керамическое производство хуннов на Алтае // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101 – 119.
- Мамадаков Ю.Т.** Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 173 – 191.
- Мандельштам А.М.** Исследование на могильном поле Аймырлыг (некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 25 – 33.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.** О некоторых проблемах истории кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл: ТННННННН, 1980. – С. 43 – 64.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.** Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196 – 205.
- Миняев С.С.** К проблеме выделения гуннских памятников Сибири // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – С. 80 – 82.
- Миняев С.С.** К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюл. междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М., 1985. – Вып. 9. – С. 70 – 78.
- Миняев С.С.** Культурные процессы в Центральной Азии в постскифское время: проблемы хронологии // Археологические вести. – СПб., 1998. – № 5. – С. 391 – 393.
- Могильников В.А.** Исследования на Алтае // АО 1983 г. – М.: Наука, 1985. – С. 229 – 230.
- Могильников В.А.** Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая во второй половине I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 60 – 107.
- Могильников В.А.** Курган 85 Кара-Кобы I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИПИ, 1997. – С. 187 – 234.
- Молодин В.И.** Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. – 1997а. – № 1. – С. 37 – 49.
- Молодин В.И.** Могильники Кальджин-6 и Ак-Кол-1 на плоскогорье Укок и их культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антрополо-
- гии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука, 1997б. – С. 230 – 232.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Культуры гуннского времени на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // 100 лет гуннской археологии: Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен: Тез. докл. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 1. – С. 47 – 49.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и древней истории. – М.: Наука, 1984. – 383 с.
- Савинов Д.Г.** Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1987. – 593 с.
- Савинов Д.Г.** Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 93 – 96.
- Савинов Д.Г.** К вопросу об особенностях культурогенеза кочевников // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Чернецова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С. 144 – 145.
- Савинов Д.Г.** “Ранние кочевники” в исследованиях М.П. Грязнова и современное состояние проблемы // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во ОГУ, 1995. – Ч. 1. – С. 76 – 80.
- Соенов В.И., Эбель А.В.** Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – С. 88 – 97.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1989. – 214 с.
- Трифонов Ю.И.** Новый тип памятников раннего железного века в Туве // КСИА. – 1976. – № 147. – С. 109 – 121.
- Худяков Ю.С.** Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – С. 97 – 112.
- Черников С.С.** О термине “ранние кочевники” // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 17 – 21.
- Черников С.С.** Загадка Золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 189 с.
- Черников С.С.** К вопросу о хронологических границах эпохи ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132 – 143.
- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** К особенностям морфологии населения гунно-сарматского времени центральных и восточных районов Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 154 – 159.